

НКВД
ПРОТИВ ВРАГОВ РОДИНЫ

В Я Ч Е С Л А В
Д Е Н И С О В

ОГНЕННЫЙ ПЛЕН

М О С К В А
2 0 1 8

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д33

Денисов, Вячеслав Юрьевич.

Д33 Огненный плен / Вячеслав Денисов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (НКВД против врагов Родины).

ISBN 978-5-04-092224-6

Неизвестно, как сложилась бы жизнь хирурга Александра Касардина, не окажись он случайно в Смольном в день убийства Кирова. Став невольным свидетелем кровавого политического акта, Касардин на всю оставшуюся жизнь превратился в мишень НКВД. Чекисты преследовали его всюду: и в пылающем Уманском «котле» в июле 1941-го, и в холодной прифронтовой Москве. Плечом к плечу им, палачам и жертве, пришлось испытать весь ужас первых месяцев войны и кошмар немецкого плена. И все из-за того, что хирург, верный данному слову, отказывался называть имя человека, который был вместе с ним в Смольном в тот роковой день 1934-го...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092224-6

© Денисов В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2018

Роман основан на реальных событиях, но главные герои, персонажи и часть событий вымышлены. Автор просит не рассматривать его версию событий как претензию на историческое новшество. Совпадения случайны.

ПРОЛОГ

Острый луч фонарика ослепил и заставил зрачки судорожно сжаться. Наверное, я мог бы убежать, но ноги не слушались. Страх, как змея, опутал их и начал сдавливать, лишая подвижности. Стараясь увести глаза от блуждающего за моим взглядом луча, я краем зрения запечатлел тени — две. Ничем они не отличались друг от друга. Две большие, словно грубо размазанные по стене тени.

Между тем они стояли по обеим сторонам от меня, и их неподвижное ожидание меня куда больше интересовало, чем их — мое шевеление. Я, как освещенная со всех сторон препарируемая лягушка в лаборатории, вырван из мрака пучком света, весь как на ладони — безвольный.

«Александр Евгеньевич Касардин — это вы?» — мгновение назад прозвучал вопрос. Я должен что-то ответить, скорее всего — «да», и я так бы и сделал, верно, когда бы страх до конца придушил во мне человека. Но если я думаю сейчас: «Какого черта?» — значит, я еще не овца. Но уже и не человек, козь не спрашиваю.

Первая Тень подошла ко мне и взяла за рукав. От холодного прикосновения рука моя дернулась.

— Вы Касардин? — чуть тише и нетерпеливее. Эта смесь голосовых оттенков вместе звучит как угрожающее раздражение.

Я поставил руку под луч. Глазам стало легче. Фон посветлел. Теперь без труда могу различить шляпы на верхушках Теней.

И даже заметил на сером фоне лица одной из Теней черную повязку. Левого глаза Тень лишилась, очевидно, при задержании более пронырливых врагов.

Момент размаха я засечь не успел. Свет, в десятки раз ярче луча фонарика, пронзил пространство передо мной. Он вспыхнул не снаружи, а внутри моей головы.

Привкус крови я успел почувствовать еще до того, как сел на асфальт.

— Ты, сволочь, жестикулировать будешь или на вопросы отвечать?

Я открыл глаза, но лучше бы я отшатнулся назад. Сидящего, меня в лицо ударили ногой. Не возьмусь утверждать, какая из Теней это сделала — первая или вторая. Да и какая разница. Я был во власти обеих. Несмотря на то что они имели свойство расходиться, когда требовали обстоятельства, вместе они образовывали одну большую тень. И тогда она становилась еще могущественней.

После удара я, уже не стесняясь своего унижения, повалился на спину. Тень ничего не сломала на моем лице, но гул, раздавшийся сразу после пинка, заглушал голоса — удалял их на сотню метров, не меньше.

— Да... — прошептал я.

— Что — «да», молекула? — тотчас раздалось в сотне метров над моей головой — никогда еще я не был так низок. — Ты будешь жестикулировать — «да», или «да» — отвечать на вопросы?

— Я буду отвечать на вопросы.

Плюнуть не получилось. Вышло как бросок немелого ребенка — упало рядом. Комок перемешанной со слюной крови вылетел изо рта и шлепнулся на дорогу. Меж ним и моей дрожащей губой повисла ниточка. Я чувствовал ее присутствие — она жгла рану.

— Касардин?

— Я.

— Вставай, сволочь.

Я встал, и тут же меня повело в сторону. Я был слишком слаб для побега. Двое суток без еды и каждодневные побои мало вяжутся с подготовкой к побегу. Но все-таки я побежал. И финиш сам меня нашел. Я был похож на спринтера, которого выставили для бега на длинные дистанции. Стайер из меня получился никудышный. Как следствие этого — соль на губах.

Хлопок форточки на втором или третьем этаже дома, под которым все это происходит. Коротко и просто. Кто-то видел все, что здесь происходит. Он не знает, кто эти люди. И чтобы лишиться себя возможности терзаться вопросом, нужна ли помощь тому, кого забивают, этот кто-то просто захлопнул форточку. Сухой кашляющий стук с едва заметным дребезжанием стекла. И — никаких проблем. Тема закрыта.

Я мгновенно представил себя там, за закрытым окном, где теплее, чем здесь, намного суше и сыт-

нее. И тут же потерял силы. Горячая ванна, видимая сквозь прикрытые веки, кромка зеленоватой воды, чуть качающаяся и убаюкивающая, укачала мою волю. Падая, я успел зацепиться за рукав чекиста.

Последнее, что услышал, — треск материи и первые звуки вырвавшегося в висящую тишину сырой улицы сквернословия...

* * *

Они почти взяли меня три дня назад в гостинице. В том номере «Москвы», из которого, если верить администратору на слово, «всего пару дней назад» съехал Илья Эренбург. Те двое суток, что я жил в номере 402, мне не давала покоя мысль, что сплю я на кровати, на которой отдыхал человек-лиса, смотрю в то же окно и размышляю, быть может, над тем же самым, но по-другому. Разница между мной и Эренбургом в том заключается, что он может просто съесть. А меня в том же номере обязательно возьмут. Он ел в ресторане, не боясь оказаться застигнутым врасплох, я же торопливо засовывал куски в горло, когда увидел, как ко входу причаливает черный «Паккард». Успевать набивать организм калориями, зная, что в следующий раз покормят не скоро, — привычка бывалых беглецов. В момент, когда машина останавливается у гостиницы, в которой проживает тысяча человек, я точно знаю, кого она увезет. И даже не пришла мне тогда в голову мысль, что можно было попробовать уйти через чердак.

И снова мысль об Эренбурге щиплет, как занудный ребенок... Он получил Сталинскую пре-

мию неделю назад, а у меня к тому часу, когда в номер вошли трое в плащах, оставалось несколько червонцев. Человек-лиса явно превосходил меня в умении жить.

Виновен ли я в том, что знаю английский и немецкий, что учен и что шесть лет назад был направлен в командировку в Берлин, а семь лет назад бывал в США? Пожалуй, нет. Как раз я-то и не хотел ехать. Я выкручивался изо всех сил. В тот год я уже вывел для себя ту замечательную формулу исчезновения материи, при которой лучшие в одно мгновение становились ненужными.

Сталина, величайшего из дуалистов и лучшего из прагматиков, до начала войны пронзала мысль о том, что на белом свете всему отведено свое место. Хорошему — справа. Плохому — слева. «Что-то похуже» или «что-то получше» не имело места быть. Должен быть один театр, один архитектор, один писатель, один врач. Все остальные подлежат либо немедленному уничтожению, либо взяты под колпак, что в принципе сводится к первому. Люди с высшим образованием просто так за границу не ездят. Даже если их посылают туда не по их воле. Даже если они сопротивлялись, обосновывая отказ болезнями. За границу мог съездить Горький. Для того чтобы убедиться в ужасах капитализма, дабы рассказать о них советским людям. Но хирург Кассардин мог там побывать только с одной целью. Передать сведения германскому командованию о дислокации войск в районе Бреста и вступить в контакт с белоэмигрантами в Берлине. Или, на худой конец, вспомнить, что именно я был свидетелем рокового

выстрела в Смольном первого декабря 1934 года. За что-то меня должны были взять.

Я предчувствовал, чем закончится эта командировка. Тем она и закончилась. Странно только, что они так долго ждали. Шесть лет после последней заграничной поездки. Срок немыслимый для стремительности НКВД. Интересно только, лично Иосиф Виссарионович отдавал приказ об аресте или же сработал автомат в механизме отлаженной машины? Все «заграничные» и до сих пор здравствующие должны быть немедленно арестованы. Я всего лишь врач. Я всего лишь врач...

Правда, я врач, державший голову истекавшего кровью Кирова...

Какая разница. В доме на одной площадке со мной жил милейший человек, профессор-орнитолог Глеб Маркелович Смирнитский. Кроме птиц, в этой жизни его ничего не интересовало. В свои шестьдесят он даже не был женат, и мне иногда казалось, что он тайно влюблен в Жар-птицу. Несчастливого старика вынули из квартиры в тридцать четвертом. Кому-то показалось, что его рисунки орлов очень напоминают фашистский герб. Через пять дней расстреляли. В квартиру профессора был вселен аппаратчик со стажем, который часто заходил ко мне, внося клубы алкоголя, говорил о ценности марксизма-ленинизма, коммунистической морали, нравственности и между делом интересовался, нет ли у меня на примете лиц, которые мешают социализму развиваться более быстрыми темпами. Поскольку лиц таких я не знал, то постоянно его разочаровывал. У него это вошло в привычку: как

только он ко мне входил, тут же разочаровывался. Спустя три года после знакомства с ним я познакомился с НКВД. Меня вызвали на Лубянку. Чтобы я не опоздал, за мной приехали. В тот раз — всего двое в штатском.

* * *

Я был готов ко всему, но не к этому. У руководителя одного из отделов НКВД заболел живот, и ему захотелось, чтобы его осмотрел специалист высокого класса. К больнице высшего ранга он доступа не имел, поэтому не страдающие примитивизмом чекисты вызывали врача на дом. Точнее, к рабочему месту заболевшего. Ерунда, что через четверть часа я должен был проводить операцию. Живот чекиста важнее кисты заводчанина.

Странно чувствовать себя специалистом высокого класса в тридцать один год. Как они вышли на меня, я не знал. Одна из загадок моих сегодняшних обстоятельств.

Промыв желудок больному, я выглядел как Парацельс, поднявший на ноги смертельно больного мэра города. С этого момента началась моя работа в НКВД. Я сменил круг пациентов и с 1937 года работал в больнице Народного комиссариата внутренних дел.

Я сидел у изголовья многих. Раньше для меня они разделялись на «менее человеческих» и «более человеческих» — здесь я дуалист, теперь же, при свете луча фонарика — тех же сегодняшних обстоятельств, — я поменял названия группам бывших

пациентов. Теперь я их делил на «болтливых» и «молчунов».

Болтливые говорили много, как правило, это были тяжелые больные. Отрицая церковь, исповедаться они предпочитали перед лечащим хирургом. Так началось мое более близкое знакомство с НКВД. До прибытия одного из чекистов я и понятия не имел, что в Москве давно введено «соцсоревнование» между отделами НКВД. В приказе наркома внутренних дел говорилось — я не помню, конечно, дословно, но приблизительно выглядело это так: «Второй отдел в два раза превысил по сравнению с первым отделом число арестов за месяц и разоблачил участников контрреволюционных организаций на двадцать два человека больше, чем третий отдел. Однако третий отдел передал двадцать дел на Военколлегию и одиннадцать дел на спецколлегию, чего не имеет второй отдел, зато второй отдел превысил количество законченных его аппаратом, рассмотренных тройкой, почти на сто человек».

Привычка слушать и запоминать дорого мне теперь обходится. За два часа до операции чекист Коростель рассказал мне, глядя в потолок и думая, что разговаривает с ним же, о том, как в Москве массовые аресты, которые заранее определялись по контрольным цифрам на арест по каждому отделу на каждый месяц в количестве 1000–1200 человек, превратились в сафари.

Вскоре я впервые услышал слово «бык» в совершенно ином для меня значении...

Проявляя вдруг невероятную богобоязнь, прибывший ко мне с переломом руки чекист со смеш-

ной фамилией Гадик, готовясь к смерти и почти плача, поведал странную, чтобы не сказать удивительную, историю. Нарком велел каждому руководителю отдела заготовить по двадцать быков.

— А где их взять, если в прошлом месяце исчерпали весь ресурс?

— Быков? — переспросил я, перестав ощупывать руку страдающего чекиста.

— «Бык» по-английски BULL, если это слово читать по-русски в обратном порядке, получится слово «Л-ЛУБ» от слова «ЛУБянка». Слово «ЛУБА» — так мы зовем старых пердунов в органах, сбившихся с линии, — означает «создание липового дела». «Шьют лубу» «виноделы» — опытные сотрудники из нового потока. Они же делают «быку» «вину», или «голубку», то есть методом прослушивания или доноса производят аресты и выполняют нормативы... Скажите, доктор, бывали ли на вашей памяти случаи, когда бы больной умирал от перелома руки?

Мне очень хотелось ответить: «Нет, ваш случай будет первым», но уже тогда что-то подсказывало мне о ценности молчания.

— Вы стрижете себе ногти, Гадик, можно ли думать исходя из вашего вопроса, что вы укорачиваете свою жизнь?

— Я просто переживаю.

— Не стоит.

Это его немного успокоило, и он рассказал, что «быков», как правило, отбирали из среды членов семей репрессированных. Они трогательно именовали их — СИР. По-английски даже почтительно. На самом деле это была всего лишь аббревиатура,